

- [Наша церковно-народная жизнь как она есть](#)
    - [1. Благоговение народное перед архиерейским саном](#)
    - [2. По видимости все обстоит благополучно](#)
    - [3. Безотрадное в религиозном и житейском быту народном](#)
    - [4. Живая могучая народная вера как великая духовная сила](#)
    - [5. Не уныние, но бодрость навевает живая народная вера](#)
    - [6. Настоятельная потребность неустанной проповеди для народа](#)
    - [7. Воспитывающее народную веру православное богослужение](#)
    - [8. Воодушевленные молитвенные крестохождения, воспитывающие живую народную веру](#)
    - [9. Необходимость самых частых путешествий архиереев по епархии](#)
    - [10. Желательная картина архиерейских путешествий по епархии](#)
    - [11. Необходимость подготовки к пастырскому служению](#)
    - [12. Пастырско-миссионерские съезды и курсы](#)
    - [13. С чего начинать поднятие церковности на приходе](#)
    - [14. Посещение домов прихожан](#)
    - [15. Благовременные поводы к научению прихожан](#)
    - [Послесловие](#)
-
-

Введение

Размышления епископа, возвратившегося из путешествия по епархии
Содержание

Наша церковно-народная жизнь как она есть

1. Благоговение народное перед архиерейским саном

Всякий год обычно приводит Бог сделать не менее двух путешествий для посещения православных приходов епархии. В течение двух-трех недель всякого путешествия можно бывает посетить не менее двадцати преимущественно сельских приходских церквей. Таким образом, приходится за короткое время видеть несколько десятков мест, побывать в стольких же церковных общинах, входить хотя в кратковременное общение с людьми иных условий жизни и иных разносторонних местных влияний. Люблю я такие путешествия. Иногда и погода не благоприятствует, и дороги трудные, тем более, что в большинстве случаев приходится проезжать по типичному проселку, почему сопровождающие чины полиции обычно предупреждают, что с трудом можно проехать. Обычно и поднимаюсь с места каждый день рано — с 6—7 часов утра, кончаю же осенью часов около 7 вечера, редко позднее за полнейшей непроглядной тьмой, весной же приходилось кончать и около полуночи. Сна приходилось иметь не более 6 часов в сутки; целый день нужно трястись в открытом экипаже от церкви до церкви с остановками в попутных деревнях, где крестьяне встречают обычно хлебом-солью в своих часовнях. Целый день в напряжении, ежедневно приходится говорить громко не менее шести часов, причем в поучениях приспособливаться к местным требованиям, о которых умело и неумело докладывают в своих рапортах сопровождающие благочинные. И, однако, при всем этом я совершенно обновляюсь духом и телом за такие по видимости трудные путешествия. Конечно, много значит в данном случае и пребывание по целым дням на чистом воздухе, которым так мало приходится дышать в обычной обстановке нашей архиерейской жизни.

Но самое главное в данном случае имеет благотворное влияние сама смена впечатлений, соприкосновение с новыми лицами, тот праздник, который если не у причтов, опасующихся ревизии, то несомненно у православного народа создает прибытие архиерея, и то воодушевление и даже молитвенное и торжественное благоговение, какое приходится принимать архиерею от встречающего народа. Даже по пути крестьяне, завидевши проезжающего архиерея, сбегаются из самых дальних углов своих полей на дорогу, побросавши свои работы полевые, позабывши и свою усталость, и как один человек опускаются на колени, нимало не беспокоясь, что стоят в самой грязи. Многие плачут, даже и мужчины; все набожно и благоговейно крестятся, когда получают даже издали благословение. А с каким благоговением разделяют крестьяне благословенный и отведенный архиереем ими же принесенный хлеб! Или с какой трогательной благодарностью выслушивают они благожелательные расспросы об их крестьянском хозяйстве! А как благоговейно встречают они «со кресты и хоругви» в своем приходском храме, увлекая с собой и всех детей своих! Все набожно крестятся, многие плачут от благоговейной радости. Многие и таяся, и открыто просят совета, молитв, готовы тут же исповедать всю свою душу, умоляют принять от них — кто полотенце, кто деньги, кто даже иконку или еще что-либо от святого места принесенное. Да всего подобного и не перечать. И все это до глубины души трогает, настраивая ее на благоговейный и торжественный тон от сознания раскрывающегося перед тобой благодатного Царства Божия из глубин смиренного, простого, по видимости грубого, а на деле нежного и мягкого народа русского. Это ли не счастье — быть участником в таком явлении духа и силы! Это ли не самое жизненное ободрение для архиерея от соприкосновения с самой живой народной верой! Это ли не богатый источник для воодушевления на новые и новые труды пастырствования среди такого церковного народа! Да, среди всего этого и быть не может ни малейшей усталости. Скажу более: даже удивляешься, когда спрашивают о ней добрые люди. Да разве возможно уставать на таком веселом празднике

веры? Нет и нет. И благодарю Бога, приводящего переживать все это и участвовать на таких праздниках.

2. По видимости все обстоит благополучно

Перейдем и к тем наблюдениям, которые приходится делать над видимым в посещаемых церквях.

По внешней видимости обычно, конечно, все везде найдено в порядке и исправности, ибо к приезду архиерея всегда и самые неисправные стараются все привести в благоприличие; и только разве иногда можно подметить на некоторых мелочах, что порядок наведен на скорую руку во всех отношениях. Да кроме того, в течение нескольких часов пребывания в каждой церкви трудно рассмотреть все с полным вниманием. Большим же временем, к сожалению, мы не можем располагать при своих путешествиях по церквам епархии. И это не одна отговорка, а сущая правда: ведь в это время там, в городе заведенная машина епархиального управления не может быть остановлена без ущерба для всего дела. Итак, о всех почти посещаемых церквях можно бывает сказать, что церкви содержатся в чистоте и благоукрашенности, некоторые же и в полном благолепии. За редкими исключениями теперь во всех церквях имеются певчие — любители из взрослых и школьников, к сожалению часто подражающие малоцерковным наемным хорам городских церквей, усвоивших неправильный и бесцветный бахметевский распев и всякие концертные «птички». Но утешительно в этом отношении то, что теперь в большинстве случаев руководителями певчих бывают псаломщики или диаконы и даже священники, у которых есть подручные помощники, да и пение хотя с трудом, но постепенно принимает более упорядоченный и церковный характер. Это несомненное следствие неоднократных за последние пять лет напоминаний духовенству епархии о том, чтобы клирики считали своей обязанностью устраивать хоровое и церковное пение. Прежде же чаще приходилось видеть мирян управителями хоров, тогда как псаломщики иногда не могли даже участвовать в хоре по полной неспособности к тому, как это ни странно; ибо что же это за псаломщик, который и петь не способен. По видимости и причты везде найдены исправными в своем деле и поведении. Церковные Летописи и богослужебные журналы везде ведутся в исправности, и даже редко можно подметить, что записаны они лишь к приезду архиерея. Богослужебные журналы свидетельствуют, конечно без посторонних свидетелей, и о том, что духовенство усердно проповедует Слово Божие как в храме, так и по приходским деревням. Везде и народ усердно собирается к встрече архиерея по предварительному зову своего пастыря. Непременно собирались и учащиеся школ, как церковных, так и гражданских, вместе с учащими. Во многих случаях учащиеся приходили даже из отдаленных от церкви школ, — и это несмотря на холод, дождь и грязь. Народ везде с благоговением встречает архиерея, как носителя великой благодати Божией, как святителя Христова и даже (о, наше недостойнство и нищета!) как святого. В попутных деревнях почти везде крестьяне собираются у часовен, просят благословить и окропить принесенной ими Святой Водой хлеб-соль. Часто же у всякого дома по деревне вынесены и поставлены на украшенном столике иконы и хлеб-соль для того же архиерейского освящения. И это одинаково как в праздники, так и в будни, несмотря на рабочую пору и ненастную погоду. В некоторых же селениях, особенно торговых, по случаю прибытия архиерея украшают дома национальными флагами, церковные же ворота почти везде украшают зеленью, по дороге под ноги бросают траву и цветы или постилают холсты. Все это, конечно, весьма трогательно, умирительно и утешительно, судя только по одной внешности. Отношение же народа к архиерею истинно подобно отношению детей к своим дорогим родителям.

Да не подумает кто, что мы — архиереи — только этим и довольствуемся, что почти упиваемся всем описанным почетом и преклонением народа пред нами. Конечно, много силы

духа нужно иметь, чтобы ко всему этому быть совершенно равнодушным и встречаемое преклонение переносить на Самого нашего Великого Архиерея Христа. Но мы ведь тут же получаем и разочарование, когда встречаемся и с отрицательными сторонами жизни как клира, так и мирян. Тогда больно бывает на душе. Тогда невольно чувствуешь и свою собственную немощь и недостойность носить великое служение апостольское здесь на земле, освященной стопами ног Самого Христа Жизнодавца, вручившего нам искупленное Им достояние Божие — верующий в Него народ христианский. Тогда бывает не до упоения встречаемым почетом и преклонением народа перед архиереем... Но это все незримо происходит в душе архиерея да в его соответствующих разговорах с иереями и прочими клириками. Видимость же по-прежнему остается торжественная и величественная, набожная и молитвенная.

3. Безотрадное в религиозном и житейском быту народном

Итак, наблюдаемая архиереем при его путешествиях по епархии внешность, кратко изображенная выше, все-таки является большей частью отрадной: в большинстве случаев все обстоит благополучно, чему оставалось бы только радоваться даже до сознания, что жизнь христианская полна верности заветам Евангелия Христова.

Между тем жизнь сама по себе, жизнь как она есть — эта действительная жизнь не дает оснований для такой радости. Она явственно свидетельствует о своем духовном понижении, может быть угрожающем полным разложением ее. И вот тут-то с грустью приходится всматриваться в то малое отрадное духовное содержание, которое проглядывает из описанной видимости или о котором приходится догадываться на основании видимого. Имея такие наблюдения, с грустью приходится отметить следующее.

Недостаток даже простейшего христианского просвещения в народе — вот что прежде всего приходится отметить. Светские, конечно, этому тотчас же обрадуются и скажут, что народ наш невежественен, не умеет отличить Троицы от Богородицы, знает только суеверия, а не веру, и т. п. Да умолкнут таковые, и для собственного смирения пусть они сами себе дадут отчет: да сами-то знают ли хоть что-нибудь в вере христианской, да знают ли даже молитвы-то, которыми следовало бы и им молиться, чего они, наверное, однако, не делают... Но оставим таковых самим себе. Будем же говорить только о нашем простом народе. Не говорю о взрослых, — даже учащиеся в разных школах дети не знают молитв, Священной Истории, начатков веры. Отрадные же исключения в этом отношении очень редки, к сожалению. Не знают житий Святых, имена которых носят, даже дней памяти их не знают. И это при всеобщем-то обучении, тогда как прежде при высмеиваемом прогрессистами мраке и невежестве все это прекрасно знали и все могли сознательно рассказать и прочитать. Не развито сознательной привычки молиться дома утром и вечером, почему за лето, не ходя в школу, почти все дети вовсе забывают выученные в школе зимой молитвы. Не заметно и зачатков любви и обычая благочестивого — читать Слово Божие, хотя бы Евангелие. Не заметно и строго сознательного держания благочестивых обычаев старины. Например, в храм большей частью входят не помолившись в притворе или трапезной части церкви с установленным числом поклонов, хотя бы поясных; в церкви стоят христиане обоих полов вместе на обеих сторонах, часто оглядываясь рассеянно кругом. Мимо храма часто проходят не перекрестившись. Весьма-весьма часто и взрослые и дети не умеют подходить под благословение, — очевидно, и священники не считают нужным непременно благословлять пасомых при встрече с ними, не приучают брать благословение и детей. Часто бросается в глаза и неправильно совершаемое крестное знамение. Даже взрослые часто не молятся при входе в дом и даже шапки не снимают, о молодом поколении не приходится и говорить с этой стороны. Богослужение и в великие праздники посещают редко многие из христиан, летом же в рабочую пору почти и вовсе не ходят в церковь. Долг исповеди и Святого Причастия уже многие не исполняют по нескольку лет. Слышно, что и посты не со всей строгостью соблюдаются, в чем пример берет народ, конечно, у образованных и вообще чиновного люда; ибо теперь даже урядник и почтарь считают себя образованными и почитают предрассудком поститься. К священникам уже многие не с должным уважением относятся, даже и на улице часто не кланяются, тем более не благословляются, да и священники, особенно молодые, не считают долгом непременно благословлять и тем призывать Божие благословение на свое духовное чадо.

Отсутствие всего этого отпечатка набожности грустно отражается и в жизни народной.

Общая теперь жалоба на народное пьянство, на безобразное, даже со смертоубийствами и непременно с драками, проведение деревенских праздников, разгул, особенно молодежи, деревенские посиделки, часто толкающие молодежь на беспутство, падение семейных нравов и почтительной покорности младших старшим, тем более родителям, франтовство, бесчестность, озорство и хулиганство, мстительность и жестокость, вероломство и лживость до лжесвидетельства под присягой, что говорит уже об утрате и самой веры, ибо верующий побоится нарушать присягу. Молодое поколение и даже дети растут без всяких положительных и строгих правил жизни: какое-то одичание духовное отпечатывается и на их лицах. А что с ними будет впоследствии, когда и сама жестокая жизнь наложит на них свой немилосердный отпечаток, особенно если принять в соображение ту погоню за материальным или, лучше сказать, животным довольством, которое сделалось характерным признаком и духом последнего времени, освободившегося от духовных высоких начал жизни.

Наряду с этим необходимо отметить и все более развивающееся в народе сутяжничество и бесчестность. Как это ни странным покажется, но значительную долю в приучении народа к сутяжничеству и кляузничеству имеет грамотность. Теперь газеты читаются во всякой деревне грамотеями, а от грамотеев из газет все передается и неграмотным. Газеты же полны почти исключительно духом критицизма и осуждения всего и всех, без указания положительных свойств у явлений и людей и в их поступках. В первую же голову такое осуждение направлено на всякое начальство и тем более духовенство. Деревенские читари и слушатели все это подмечают и сами естественно набираются того же самого осуждения, и, конечно, прежде всего осуждения духовенства под впечатлением газетных пасквилей. А так как грамотность наша и в школе не вкладывает в детские души почти никаких положительных свойств, то у детей она, прежде всего, спешит проявиться в нецензурных надписях на заборах и стенах, а у взрослых — в доносах, в кляузах, в жалобах, и прежде всего на ближе к ним стоящее духовенство. За последнее время постоянно приходится разбираться в таком кляузничестве. В большинстве случаев по проверке донос оказывается редко соответствующим действительности. Но злая воля доносителей не боится кары за клевету, ибо архиерей не может за нее наказать, а оклеветанный едва ли пожелает судиться, ибо, прежде всего, это дело длинное. Между тем пятно доноса все-таки остается на том, на кого доносили, да и настроение у него портится, и зло увеличивается во взаимоотношениях между оклеветанным и доносителем. А все это свидетельствует о том, что старинные патриархальные порядки и взаимоотношения духовенства и прихожан теперь уже значительно поколебались. В значительной степени виновато в этом и само духовенство, все более удаляющееся от паствы и ради перегруженности всяким делом, например школьным и перепиской, исключительно по лености и небрежению о своем пастырском долге.

Кроме кляузничества, поразительная бесчестность проявилась и развивается в народе всего только за время войны, преимущественно с осени 1915 года. Под влиянием естественной и злонамеренной дороговизны на все в настоящее военное время и простой народ спешит нажиться теперь на своем труде и на своих продуктах. Одни беспредельно удорожают свой труд, другие поразительно небрежничают и ленятся в принятом на себя труде, третьи до недоступности поднимают цены на предметы даже самой первой необходимости. Проснулись стихийным и неудержным порядком самые алчные инстинкты и стремления. Поразительна та бессовестность, отсутствие страха Божия, что проявляет теперь наш обычно в глубине души богобоязливый народ. Обуяла всех страсть наживы, до бесчувственности к общему горю в военное время, до неспособности понять и принять к сердцу, что и гнев Божий разразился над нами за неверность воле Божией, за незаконную жизнь.

Это все более чем безотрадные, зловещие признаки, при виде которых жутко становится за будущее нашей народной жизни.

4. Живая могучая народная вера как великая духовная сила

Но при всем том, однако, несомненна и глубокая народная вера у того же народа, полного и пьяниц, и хулиганов, и прочего. Она могуче, захватывающе и отрадно проявляется в дни святых достопамятных праздников народных, и в дни богомолений по случаю каких-либо несчастных народных бедствий, или при встрече народной Святыни, например у Чудотворной Иконы Владычицы или Угодников Спасовых. Та же вера проявляется и когда случается что-либо поразительное. В той же, полной грубых недостатков деревне — какая воодушевленная тогда проявляется вера! С какой горячностью тут все, и стар и млад, собираются, побросавши все и позабывши все свои худости! Тогда весь народ, как один человек, живо стоит перед Святыней и сердечными очами созерцает, с несомненностью как живую, Владычицу или Святого Угодника. Тут он изливает из своей загрубевшей повидимому души все свои скорби и болезни и с самым трогательным и нежным смирением повергает к Богу себя и весь живот свой. И это все захватывает и тех озорников и хулиганов, на которых так жалуются теперь. Тогда и у них исчезает эта бессмысленная «оголтелость» и они полны общего народного благоговейного воодушевления. И тогда эта духовная мягкость и даже нежность под грубой внешностью куда выше духовной грубости и холодности под мягкой и приятной внешностью у образованных светских людей...

Навсегда в памяти останутся дивные народные крестные ходы в июне-июле сего 1916 года по уездам Кунгурского, Красноуфимского, Осинского, Оханского и Пермского уездов Пермской епархии. Еще минувшей зимой мною было сделано предложение всему духовенству епархии устраивать торжественные крестные ходы в пределах епархии, приурочивая их к местным праздникам или к особым торжествам, например освящения и закладки храмов. Духовенство внимательно отнеслось к этому святому делу; по округам выработаны были расписания таких крестных ходов, намечены были проповедники, заготовлена была духовная литература для раздачи и продажи народу, сделаны были оповещения православным христианам. Начиная с мая месяца такие крестные ходы и прошли согласно расписанию. Мне лично привел Бог участвовать на таких народных торжествах в указанных уездах по пути моего маршрута при путешествии по епархии. Многие тысячи православных собирались у многих приходо́в. Духовенство и миссионеры усердно и умело использовали такие народные собрания и обильно предлагали свою проповедь и все прочее для духовного утешения народа. Воодушевление народное достигало до высокой степени умиления. Можно сказать, что все чувствовали себя, как на одной непрерывной народной Пасхе. Некоторые крестные ходы проходили почти исключительно среди поселков со старообрядческим или языческим населением. Но общим народным торжественным и молитвенным настроением крестоходов воодушевлялись и старообрядцы с язычниками и присоединялись к крестоходам, вместе с ними вслушиваясь в раздававшуюся пастырскую проповедь, а многие — принимая участие и в народном церковном пении. С уверенностью можно сказать, что таким порядком может совершаться прочное миссионерское дело, навсегда почти оставляющее глубокий след и светлую память в сердцах всех участников в подобных торжественных и воодушевленных крестных ходах. Таким порядком создается потребное для христианина настроение, научающее его хождению перед Богом. И приобщаясь к такой народной вере, растворяешься тогда ощутительно в ней, преисполняешься этого охватывающего народного воодушевления и как на легких крыльях носишься на восхождениях народной соборной молитвы и благодарения ко Господу Богу, дивному во Святых Своих. Тут и сторонний, может быть даже только любопытствующий,

наблюдатель, смешиваясь с толпой верующих, живо чувствует незримые, но осязаемые потоки веры, от верующего народа переливающиеся и в его душу и исполняющие его новой, прежде неведомой для него духовной жизни, вливающей смысл и отраду и в обычную его суетную или беззаботную жизнь. Это все несомненно и действительно. И это все весьма отрадно и животворно. И сподоблял бы Бог возможно чаще приобщаться к такой народной воодушевленной и воодушевляющей вере и пламенной скромной молитве, долу всех повергающей, но ко Господу возносящей.

Сюда направляли бы свои искания современные «богоискатели» и «теософы»; вместо того чтобы блуждать в пустопорожном пространстве своих измышлений и бредней беспочвенных, пусть бы они опускались вот в эту толщу народную, погружались бы не в измышленную, а в самую действительную жизнь верующего народа, не мечтательно, а в самой реальной действительности входящего в общение с потусторонним миром — с Богом и со Святыми Его. Это не парение пустое, это не погружение в нирвану, это не мечтательное общение с духами на спиритических сеансах скучающих людей, во что верят и в чем упражняются современные светские праздные люди, — нет, это сознательное и осязаемое переживание того, что дает сама действительность, сама жизнь духа человека, дышащего Духом Божиим, исполняющим всю вселенную и незримо сходящим к людям, когда они к Нему обращают свой верующий взор. И какими счастливыми и полными жизни и смысла ее чувствуют себя те «искатели», которые находят все это, смиренно сродняясь с верующим и молящимся народом. Да, тогда и в таких источники воды живой от Бога текут, и они сознают себя чадами Божиими, своими для Бога и Бога своим Спасителем и Промыслителем.

Итак, вера в народе, вера самая живая, исполняющая все существо верующего живым упованием на Живого Бога Промыслителя, — эта вера несомненна и очевидна. Но не прикрепленная к благочестивым навыкам, как проявлениям душевного содержания вовне, не уясненная в сознании соответственным научением и духовным образованием, эта вера является как скрытая стихийная сила в народе, имеющая глубокие корни в душе народной и проявляющаяся обильным потоком, всех захватывающим в свои прохладительные живые струи и уносящим всех в безбрежный океан молитвенного самого осязаемого общения с Вездесущим и Сострадательным к грешному человеку Богом. «Бог видит, Христос с нами, Владычица слышит, Угодник — наш молитвенник» — вот что с живостью переживает всякий участник в таком проявлении народной торжественной веры в Бога. С уверенностью высказываю мое всегдашнее убеждение, что такое проявление народной веры в соборной личности народа — оно и воспитывало русских людей прошлого времени в вере, в хождении под Богом. За недостатком просвещения и книжности, за отсутствием живой проповеди, даже за недостатком потребного числа архиереев и иереев, однако, народ весь воспитывался в вере. Не было отчетливости в ней, не могли ясно и сознательно рассказать свое упование, как едва ли кто и из образованных отчетливо и ясно расскажет и то, что он живет и дышит воздухом, что он, однако, чувствует всеми частями своего сложного существа. Так и душа всякого сына своего родного народа была полна чувства веры, ибо она воспитывалась в ней через участие в соборной народной вере у Святынь народных, в церковные умиленные и захватывающие праздники, когда соборная народная душа живет единой жизнью Божественной, по обетованию Самого Спасителя, в саду Гефсиманском молившегося ко Отцу о верующих: *Да будут едино, якоже и Мы* ([Ин. 17:11](#)).

5. Не уныние, но бодрость навевает живая народная вера

Такое впечатление обычно выношу я из путешествий по епархии для обозрения приходских церквей ее. И такие думы навеяло на меня особенно последнее осеннее мое путешествие, чем дерзнул поделиться со всеми церковными деятелями для взаимного соутешения нашей общей верой и общими чаяниями ([Рим. 1:12](#)). Действительность являет себя двояко: по видимости как будто все обстоит благополучно, тогда как сама жизнь выдает себя с худой стороны; а вместе с тем эта же самая жизнь выявляет и высокое жизненное богатство народное — живую народную веру, не ключом, а целым обильным потоком бьющую повсюду, где только и когда только душа народная входит в соприкосновение со Святыней — как явлением духа и жизни о Христе Спасе. Для меня последнее более могуче и действительно по своим проявлениям, чем первое. Но беда наша в том, что это второе идет само по себе, а мы — церковные работники — идем сами по себе от него, или довольствуясь видимым благополучием и на нем успокаиваясь в своей деятельности, или мечемся, плачем и охаем да ахаем под впечатлением отрицательных явлений жизни, готовые объявить все пропащим и безнадежным. Ни того, ни другого, ни третьего быть не должно. С нами Бог, обещавший сохранить Церковь Свою не одаленной и силами ада. Дерзайте убо, дерзайте, людие Божии: ибо Той победит враги, яко Всесилен (догматик 1 глас).

Однако нельзя останавливаться на такой вере. Ибо она относится ко всей Христовой Церкви, *которую и врата ада не одолеют*, по слову Спасителя. Но сама Церковь и от нас — русских — может уйти, как ушла она, например, от Египта и других стран за неверствие их. И с нами это может быть, и даже весьма скоро. Стоит только восторжествовать тому либеральному течению, что по масонской указке умело и последовательно проводится через школу и через разные общественные учреждения и организации, как народная душа будет охвачена тем же течением и пойдет против Церкви Божией стихийно. Особенно же быстро пойдет эта переделка народной души через народную школу, когда она сделается монополией текучего земского элемента. Это и учитывают серьезно все ревнители земской и вообще гражданской народной школы: таким путем народная душа будет захвачена либеральным течением и в одно поколение будет переделана в желанном виде, особенно когда постепенно из школы удален будет и священник как законоучитель, сначала под предлогом невозможности для него совместить законоучительство в многочисленных народных школах, а потом и на основании сего — из-за возможности обходиться и вовсе без него. Это все понимая, мы, церковные работники, со всяческой ревностью и твердостью должны отстаивать свое неперемное участие и в гражданской народной школе, где обучаются наши духовные дети, от ответа за которых нас не освобождает никакая школа. Посему и описанное положение дела опять не уныние, но бодрость должно навевать во всяком церковном деятеле.

6. Настоятельная потребность неустанной проповеди для народа

На алтарь Отечества нужно приносить все лучшее и полезное. Тем паче на алтарь Божий, для Церкви нужно приносить все, что еще есть святого на душе. Это имея в виду, и решаюсь высказать свои лучшие пожелания о том, что нам следовало бы делать всегда и тем более теперь для уврачевания тех церковных немощей, которые так очевидны в нашей народно-церковной жизни. Не с целью учить кого-либо — да не осудит меня кто-либо за сие, — нет, но исключительно для ободрения на святое дело дерзаю поведать свои собственные пожелания. И прежде всего, разумеется, следует сказать о том, о чем неоднократно приходилось говорить: о неустанной проповеди по заповеди Святого Апостола Павла. Златоустых проповедников, конечно, немного. Но не этого и ждет от нас верующий и жаждущий духовной пищи народ. Ведь не златоусты и к сектантам увлекают наших христиан. Нет, всего только простые и задушевно рассказывающие о спасении во Христе собеседники — вот кто умеет отвечать на запросы народа в различных сектах. И пусть такая простая, задушевная, трогательная и жизненная проповедь раздается всюду и всегда в слух народа от нас — его духовных руководителей. Мы благодать Святого Духа получили для водительства народа; мы волю Божию познали для научения ей народа. И будем передавать сию волю Божию людям; будем при свете ее велений рассматривать всю нашу человеческую жизнь, чтобы дух Христов проник в нее, чтобы все в ней было устроено и осмыслено по заветам Евангелия. Благоговейная и богобоязливая родная наша старина так и научала православных рассматривать все в жизни со стороны верности воле Божией. И в малом боялись тогда отступить от Божьего закона, чтобы не прогневить Бога. Была трогательная осторожность и бережность к жизни, чтобы сохранить ее на Божием пути. Это же все потому так было, что отцы духовные научили своих духовных чад так смотреть на жизнь. Тогда же и проповеди в современном смысле не было; было лишь чтение творений и житий Святых Отцов с Прологами да постоянное общение пастырей с паствой, сопровождавшееся при всяком случае отеческой беседой с христианами о том, чтобы жили по Божьему закону, чтобы боялись Бога. И таким путем и научали людей страху Божию со всеми благими в жизни последствиями. И это делали простые необразованные священники и даже прочие клирики. Пусть бы это же делало и современное образованное духовенство, да прибавило бы к этому и церковную живую и умиленную проповедь. Это поможет нашему в глубине души верующему народу опознать свою веру, уяснить ее для себя до способности дать ответ всякому вопрошающему об уповании или разъяснить то колеблющимся и сомневающимся. Следовательно, проповедь пастырская должна быть и оглашением, и нравоучением, и указанием примеров в жизни Святых, и воодушевлением на подвиг христианской жизни, и обличением в нехристианском поведении, и призывом к покаянию, и к добрым делам, и к духовному возрождению... Но, разумеется, для сего самому проповеднику нужно быть лично воодушевленным на дело спасения, а вместе с тем любить и жалеть своих духовных чад, в неведении христианской непросвещенности пребывающих и потому на всякое искушение падких. Нужно, чтобы пастырь был исполнен хотя бы такой же заботы о своих пасомых, какую он имеет о естественных чадах своих, о том, *идежи положити птенцы своя*. Умеет он с сими детьми и разговор вести, умеет и влиять на них, — пусть же найдет все это и для своих духовных чад. Ведь всякий пастырь умеет вести житейский разговор почти даже бесконечный, пусть позаботится такой же душевный разговор или беседу иметь и с духовными своими чадами о предметах веры и душевного спасения. Итак, *проповедь преимущественно собеседовательного характера* — вот что прежде всего необходимо по нуждам времени. Такая

проповедь возможна и естественна при всяком посещении домов прихожан во святом облачении, с требами. Припоминаю из детства, как священник моего родного прихода при хождении во святом облачении обычно тут же проверял детей в знании молитв, их и взрослых укорял, например, в неисправном хождении в церковь и т. п., тут же учил всех, как молиться, как детей по-христиански воспитывать. Обычно это была самая простая отеческая беседа, оставлявшая в душах слушателей след даже более глубокий, чем красноречивая проповедь. Не ошибусь, если скажу, что, между прочим, таким путем и создавался высокий авторитет у народа, как этого, так и всех старинных священников, обычно действительно бывших руководителями народной души. Без совета с батюшкой тогда ни одного важного дела православные не начинали, а с благословением его все спокойно делали, как перед Богом. Этот порядок и следует всячески восстанавливать современному духовенству, чтобы было самое простое, жизненное апостольство через их отеческую собеседовательность и учительство среди прихожан.

7. Воспитывающее народную веру православное богослужение

Но проповедь все-таки по преимуществу внешнее дело, хотя и возбуждающее к внутренней душевной деятельности. Однако как тело наше, питаемое разными снедями дышит и требует воздуха для самой своей деятельности, так и душа христианина требует духовного воздуха, который обновлял бы ее внутреннюю работу, давал бы крылья и простор для высокой духовной деятельности. Это и дает наше православное богослужение. О, как прекрасно, как восторженно, как усладительно это наше богослужение, какое высокое утешение, восторг и умиление оно приносит всякому, кто с душевным вниманием присутствует во время совершения богослужения, молитвенно следя за развитием его, благоговейно прислушиваясь к возглашаемым молитвам и песнопениям. Какое захватывающее впечатление производит оно, когда совершается торжественно, умирительно, отчетливо! В данном случае разумеется не та торжественность, которая вся превращается в искусственную помпезность, в поразительную церемониальность, в ущерб содержанию богослужения, даже в сокращение его молитвенного трогательного состава. Такая помпезность, несомненно, может бить по нервам любителей сильных ощущений, она, несомненно, привлечет их внимание совершенно с одинаковой силой театральных и вообще сценических представлений, — но молиться она не даст возможности и таковым, и тем более тем, которые и пришли только для молитвы. Такая помпезность лишь развлечет всех, разрушит ту тихую сосредоточенность, самособранность, которая единственно необходима для действительности молитвы. Поэтому смиренные и усердные молитвенники не любят бывать за такими помпезными служениями, разрушающими у них и то, что они принесли в храм. Много значит в этом случае и то, что такой совершитель богослужения, к сожалению, больше рисуется и любит себя, как бы плавающим в рассчитанной помпе, чем молится и предстательствует Богу о людях.

Нет, в данном случае разумеется та торжественность богослужения, когда сам совершитель его исполнен торжественного духовного предстояния пред престолом Божиим, когда душа его полна молитвенной благоговейной сосредоточенности, когда поэтому ему дорога как святыня всякая подробность как в составе, так и в обрядности богослужения. Тогда он служит и с внешней торжественностью, но совершенно естественной, как естественно всякое высокое захватывающее чувство, настраивающее человека на высокий тон и проявляющееся в соответствующих внешних торжественных и важных обнаружениях. Такой торжественности нимало не препятствует и скромная обстановка, как, наоборот, не препятствует и величественности этой последней. Тогда наисовершеннейше исполняется заветное слово Христа: *иже кланяется Ему, Богу, духом и истиною достоин кланяться* ([Ин. 4:24](#)). Тогда наилучше дух молитвы укладывается в чудные внешние формы проявления, и чудные внешние формы содействуют молитвенному возвышенному настроению души. Тогда богослужение всех объединяет, всех возвышает, всех молитвенного дерзновения исполняет, ибо всем своим целым составом и совершением вводит душу в предощущение Божественного Царства. Тогда Бог в светлостях Святых Своих близким и слышащим веруется всеми молящимися, и Святые вместе с Пречистой Богородицей как живые веруются предстоящими и внемлющими нашим молитвам, чтобы приносить их к престолу Вседержителя. Тогда всякий молящийся воистину исполнен торжественного чувства в своей душе и вместе с ветхозаветным патриархом Иаковом готов восклицать от избытка чувства торжественно: *Как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные* ([Быт. 28:17](#)).

Вот такую торжественность богослужения и нужно вводить нам всеми силами. Она

захватывает всех своей духовной силой. Она всех настраивает на мирную, но торжественную и дерзновенную молитву к живо осязаемому Богу. Пусть всякий совершитель богослужения помнит, что он великой важности дело совершает во время богослужения. Он не только себя перед Богом поставляет, он и всех предстоящих людей к Богу приводит и к ним Бога низводит, к ним небеса ниспускает, дабы и их на небо возводить. Тогда он сам найдет соответствующий в себе тон, создаст и соответствующую внешнюю обстановку, как выразительницу молитвенного предстояния Богу. О, как торжественен был при самой скромной обстановке, при отсутствии всякой внешней помпы покойный отец Иоанн Кронштадтский, когда он совершал богослужение, весь уходя в его дивные молитвы и песнопения, всем своим существом переживая их высокое духовное содержание, в них как живых созерцая тех Святых, которых прославляют эти церковные песнопения! Да, это есть истинное торжество духа человеческого. И оно всех исполняет того же торжества молитвенного. За таким торжественно-молитвенным богослужением умереть хочется, — так оно упоительно, так оно отрадно, такую новую и вечную жизнь оно подает. Конечно, исчезнет из памяти само содержание выслушанных молитв и песнопений, позабудется и научение от проповеди даже самой златоустовской. Но то впечатление, тот восторг духовный, то высокое чувство, которое создает в нашей душе торжественное, молитвенное богослужение, — это останется в душе, как высокое чувство близости к Богу, как умиление и радость не земные, а небесные. И это-то именно создаст в человеке необходимое чувство богосыновства, благоговения, богопреданности, молитвы, сокрушения, веры и упования, делающих его христианином сознательным и твердым.

8. Воодушевленные молитвенные крестохождения, воспитывающие живую народную веру

Говоря о богослужении, нельзя не упомянуть и о тех торжественных народных богомолениях и крестных ходах, которые так любит наш народ. Нужно поучаствовать в таких богомолениях, чтобы видеть то молитвенное благоговение и восторг, которые преисполняют сердца молящихся. И поэтому усталости и стар и млад не чувствуют, хотя бы и под дождем прошли со Святыней несколько часов. Святое и отрадное чувство богомоления крестоходцев заражает и любопытствующих, и мимо проходящих, и эти увлекаются святым чувством и идут, смешавшись со всей толпой или — лучше — слившись с ней в общем благоговейном чувстве. Особенно если крестохождение совершается с Чудотворной Святыней, неоднократно и дивно являвшей благодатную помощь людям; тогда все идут за нею, как за живой Владычицей или за живым Угодником. Конечно, такие крестохождения должны быть обставлены возможно торжественнее, умильнее и молитвеннее. Крестный ход должен быть полон неумолкаемого и самого разнообразного молитвенного пения, особенно общенародного. Пусть это будет торжественный неустанный гимн от сердец богомольцев во славу Бога, или Богоматери, или Угодника. Пусть в этом пении душа народная возносится к Создателю и от Него испрашивает благодати в слух всего мира. В это время можно и всем знакомые песнопения распевать, и при помощи более умеющих приучать и весь народ к гласовому пению стихир с канонархом, а акафисты громогласно читать с общенародным распеванием заключительных припевов. Такой опыт наших в Новгороде крестных ходов вполне говорит о возможности всего этого. При таком совершении крестохождений совершенно исчезает всякая возможность разговоров от скуки, не бывает и отстающих от процессии. И под палящими лучами солнца, и в пыли, и под дождем и ветром одинаково усердно все до единого человека идут с начала до конца крестного хода, умиляясь общим пением, увлекаемые и общим молитвенным настроением. Поэтому-то так и любит наш народ такие крестные ходы. Они составляют приговор, прося, чтобы разрешили им крестный ход, чтобы разрешили им принести к себе в селение ту или иную Святыню. И скорбят, если почему-либо не разрешат сего.

Да, это дивное воспитательное средство в нашем распоряжении. И всячески следует развивать такие крестохождения, разумеется принимая все меры к упорядочению сего и к возможно большей духовной полезности крестохождений. Тем более когда сами православные просят, чтобы разрешили им совершить крестный ход, например, в соседнее село или обитель или для встречи выписанной, например, с Афона иконы, — в таких случаях без всяких препятствий следует непременно разрешать крестные ходы. Кроме высокой духовной пользы, кроме молитвенного воодушевления в народе, кроме подъема духа в православных и торжества их над всеми насмехающимися над верой и Святынями — кроме всего этого полезного, ничего худого не могут принести народные крестные ходы. Наоборот, тогда все отрицательное, безрелигиозное, смеющееся над верой, — все это или скрывается от такого народного воодушевления, самого умильнейшего, не вынося его, или же само присоединяется к нему, захватываемое общим воодушевлением и общей верой.

Конечно, для утешительности и плодотворности таких крестных ходов заранее и обдуманно нужно приготовить и проповедников, и руководителей народным пением, и духовных картин, и листов с книжками для раздачи и продажи. Причем предпочтительно следует продавать хотя бы за самую дешевую цену, а не раздавать обильно указанное: ибо купленное всегда ценят выше, чем полученное бесплатно. Только бы умело был составлен

подбор потребной литературы, умело производилась бы продажа ее; покупать непременно будут, говорю это от неоднократного опыта. Приобрести же все нужное для указанного дела теперь так легко, — так обильно подобное издательство теперь.

Но и здесь следует оговориться. Крестные ходы должны быть совершаемы торжественно, стройно. Но торжественность опять должна заключаться не в какой-либо церемониальности, граничащей с напыщенностью, с бессодержательностью; нет, это должна быть торжественность молитвенная, благоговейная от сознания всех и прежде всего духовенства, что во славу Божию и пред Его очами совершается это крестохождение. А потому восторженная и усердная молитва и пение, пение и молитва — вот что должно сообщать торжество духовное крестохождениям. От искусственности же и любования красивой помпезностью и стройной церемониальностью да хранит Господь всякого из нас — служителей Тайн Божиих, которыми мы людей вводим в общение с Самим Вседержителем. Да не соблазнится о нас никто из молящихся.

9. Необходимость самых частых путешествий архиереев по епархии

То трогательное благоговение народа к нам — архиереям, о котором сказано выше, дает мне смелость высказать пожелание, чтобы возможно чаще и возможно воодушевленное совершались архиерейские поездки по епархии. Носителем сугубой благодати является для верующих архиерей, как это и есть на деле милостью Божией. И поэтому для православных архиерей есть и раздаятель этой благодати освящающей, предстатель и молитвенник пред Богом о людских неведениях, разъяснитель воли Божией для людей, почему слово его свято, как слово Самого Бога, от имени Которого он говорит и действует. И нужно видеть и на деле, с какой верой и благоговением все это приемлется от архиерея народом. Поэтому для православных прибытие к ним архиерея составляет событие великой важности, это радостный праздник, на котором забываются все невзгоды житейские. Если же где-либо в провинции, в уездном городе или в селе, архиерей совершает богослужение, то православные за десятки верст собираются сюда, несмотря на будни, на рабочую пору, на плохую погоду. Конечно, привлекает сюда и невиданная или редко виданная торжественность архиерейского служения. Но ведь в деревне эту торжественность вполне-то невозможно и устроить, и по тому одному, что служащие в большинстве случаев и сами не видели архиерейского служения со дня собственной хиротонии. Нет, не столько торжественность архиерейского служения привлекает народ сюда, сколько благоговейное уважение народа к архиерею. Да, не забыть тех умиленных лиц богомольцев, которые обращены бывают тогда на архиерея от окружающего народа. Как перед Самим Христом открыты сии молящиеся души христиан. Восторг написан неземной на их лицах. Многие плачут от радости. И, кажется, призови тогда архиерей этот умиленный и послушный народ на самый высокий подвиг — все как один человек пойдут за ним. И с какой верой слушают эти простецы во Христе беседу архиерея. Особенно если эта беседа проста, удобопонятна, поучает о спасении во Христе, затрагивает не вымышленную, а действительную жизнь мирскую, указывает, как в обычных-то условиях жизни человеческой жить по-христиански, как обычные-то дела посвящать для спасения души и делать как перед Богом.

Это все сама правда. И благодарение Господу, что Он пока сохранил все это для нашего недостойнства. Мы же должны возможно лучше использовать это для духовного водительства наших словесных овец, чтобы в свое время иметь возможность непостыдно сказать Пастыреначальнику: *Се, аз и дети, яже ми дал есть Бог (Евр. 2:13)*. И прежде всего возможно чаще совершать архиерейские посещения церковей епархии. Разумеется, удобнее это делать в свободную от крестьянских работ пору. Плодотворнее были бы такие путешествия, если бы совершались они не с такой поспешностью, как обычно бывает. Припоминаю наши миссионерские путешествия в Японии. Там мы обычно во всякой отдельной церкви живем день-два. За это время можно побеседовать со всеми христианами, узнать их исправность и настроение, увидеть и труд самого причта церкви. За это время обычно можно бывает посетить всех христиан города или селения, чтобы на дому преподать им соответствующее назидание, соображаясь с тем, что говорит о посещаемых христианах священник или катехизатор. Это оставляет глубокий след в настроении поместной церкви или прихода. Посещать дома всех христиан в наших епархиях, разумеется, нет возможности. Но есть возможность помолиться со всеми или даже совершить богослужение. Есть возможность — узнать от благочинного и от священника о состоянии приходского дела, христианского поведения в данном приходе, о чем благочинные со священниками должны заблаговременно составлять обстоятельные, деловые

доклады соответственно действительности. Доклады такие должны указывать как положительное, так и отрицательное в жизни прихода, чтобы архиерею иметь возможность беседовать с христианами не на общие темы, а на соответствующие действительному положению вещей. Если же окажется, что пастырь приходской бессилён что-либо сделать с тем или иным отдельным прихожанином и группами их или с каким-либо нежелательным направлением в их настроении и жизни, тогда архиерей имел бы возможность оказать соответствующее воздействие и на это, не исключая посещения и отдельных христиан, если то окажется нужным для беседы с ними. За такое время пребывания на приходе архиерей вникает и в те просветительные, благотворительные и иные организации, которые заведены в приходе и нуждаются в руководстве или исправлении по случайным каким-либо обстоятельствам. Имеет он возможность и указать прихожанам вместе с их пастырем на необходимость и полезность таких организаций, указать и путь, каким проще и легче завести и устроить все подобное. С уверенностью можно сказать, что такое участие архиерея в приходской жизни её в значительной степени оживит. Только благодаря предложению и указанию архиерея многие добрые дела и начинания могут начаться и привиться в самом лучшем виде. И то нужно иметь в виду, что это внесёт оживление и отраду в деятельность даже самых лучших приходских священников. Нередко они в безвестности и без всякой поддержки, одобрения, указания и руководства со стороны высших трудятся и заводят многое полезное в церковной икономии. Встречают и препятствия неизбежные, даже прямо тормозы и противление, — и невольно впадают в малодушие, поддержать же некому. Да и кроме того к ним привыкают на местах, их слово уже не кажется особенно авторитетным. И тут необходим голос со стороны, чтобы привлечь внимание к делу. Но ничего подобного часто не находят такие труженики не только от архиерея, которого видят редко, но и от благочинного. И падают духом, и не спорится дело или совсем разваливается. Вот в таких-то случаях какую бодрость волеет в души таких тружеников слово и участие архиерея! Сколько это может предупредить или исправить и ошибок, возможных во всяком деле. И с какой после того новой ревностью будут трудиться и пастыри, а вместе с каким воодушевлением примутся за нужное и душеспасительное дело и сами пасомые, слышавшие призыв и благословение на то не только от своего пастыря, но и от самого архиерея! И учесть невозможно всех благих последствий от подобных посещений архиереем приходов своей епархии.

Ещё усугубится плодотворность этого, если архиерей будет возможно чаще служить в посещаемых церквях. Это не так трудно, как думается издали. Мне в поездках по епархии приходится с собой иметь только одного диакона, опытного в архиерейском служении. И, однако, редко бывают резко в глаза бросающиеся неурядицы в сложном архиерейском служении. Обыкновенно заблаговременно рассылается маршрут путешествия, в котором обозначены те церкви, где и когда предполагается служение (недели за две пути обычно приходится служить пять и более раз). Иногда и кроме того приходится написать местному священнику по данному случаю для порядка. Заблаговременно назначаются и сослужащие из соседних приходов. В качестве руководства указывается составленная Омским ключарем священником Сокальским книжка о порядке архиерейского служения для сослужащих, хотя в ней, к сожалению, и имеются некоторые неправильности. Затем на месте приходится всем сослужащим разъяснить и рассказать порядок служения, да и во время служения следить, подсказывать и незаметно предупреждать погрешности, чтобы все получилось возможно стройнее. Певчие же везде теперь имеются исправные. Во избежание недоразумений обыкновенно им говорится, чтобы не пели того из особенностей архиерейского служения, чего не знают, чтобы неурядок не бросался в глаза; например, вместо «Да возрадуется» при облачении могут пропеть или догматик, или ирмосы. Но обычно и этого не бывает, певчие везде готовятся с охотой и бывают исправны.

Иногда напрашиваются даже певчие соседних приходов, так что проявляется трогательное соревнование. При таких предосторожностях почти всегда служение проходит в порядке и всех трогает и радует. Если же иметь для сего еще одного понимающего в архиерейском служении, то и всегда оно будет стройно. А народ-то как рад бывает этому! Собираются издалека, уставши, не пивши, не евши подолгу, без необходимого покойного сна, в тесноте и жару, — и, однако, радостны и восторженны, как в Светлый Христов день. И ради этого святого чувства можно пожертвовать многим, лишь бы только доставить такое утешение православным.

10. Желательная картина архиерейских путешествий по епархии

После всего сказанного мне представляется такая картина. В хороший июньский или сентябрьский день православные вместе со своим и соседних церквей причтами крестным ходом вышли на околицу села для встречи своего архиерея. Последний облачается в архиерейскую мантию и при общем народном пении следует в село. По пути на подходящем по обстановке месте архиерей останавливает народ и поучает своей первой беседой, как бы в ответ на приветственную речь приходского священника, который, предполагается, говорил о состоянии жизни христианской в приходе. Это воистину беседа, подобная беседам Самого Спасителя, среди природы обычно поучавшего собравшихся к Нему. Не только люди, но и сама природа внемлет такой отеческой беседе архипастыря с его паствой. На народ же это произведет неотразимое умиленное впечатление. Кончивши беседу, архиерей следует далее. По селу у каждого дома или от нескольких домов вместе поставлены столы с хлебом-солью на чистых скатертях. Архиерей благословляет сии хлебы, призывая Божие благоволение на труды земледельцев-христиан. Тут же, как и естественно, кратко спрашивает о их житье-бытье, о их работах и прочем, давая свое простое от сердца слово или сочувствия, или совета и ободрения. По входе в храм и по обычной молитве архиерей ведет уже подробную беседу, направляя ее на действительные нужды в приходской жизни, о чем подробно докладывают ему благочинные, указывая и отрадные, и печальные стороны в жизни посещаемого прихода. Далее архиерей беседует с детьми, хотя бы школьниками только, спрашивая у них знание молитв и вообще Закона Божия и церковных правил и обычаев жизни. Несомненно, тут же ему придется сделать и соответствующее указание родителям — как следует воспитывать детей по-христиански, на что обращать внимание в их духовном росте и к чему поведет невнимание с этой стороны. Покончив с этим, архиерей приглашает всех пропеть известные всем церковные песнопения, а сам в это время благословляет детей крестиками, взрослых же духовными листиками, которые как святыню навсегда сохранят и дети, и взрослые. При этом, может быть, и еще придется побеседовать, например, по поводу общенародного пения или о том, как следует принимать благословение, как относиться к крестикам и листикам, которыми благословляются. Наконец, архиерей осматривает весь храм и делает необходимые указания при этом. Отсюда идет в школу начальную, затем, посетивши дома причта и благотворительно-просветительные учреждения, если таковые имеются, отправляется далее в путь. Там же, где по местным условиям возможно и должно или случится какой-либо праздник, архиерей служит бдение и литургию. Хорошо бы и во всякой церкви посещаемой служить молебен, например водосвятный, чтобы доставить и еще большее утешение православным, с усердием и радостью встречающим архиерея.

В приходах же с раскольническим или сектантским населением следовало бы хоть иногда назначать и миссионерские беседы вместе с прибытием архиерея. Тогда и значение таких бесед поднялось бы высоко, ибо тогда и православные, и сектанты, и сомневающиеся видели бы, что и архиерей вполне одобряет то, что говорит миссионер. Для утверждения веры и добрых нравов это имело бы весьма большое значение.

Да, с уверенностью можно сказать, что от таких путешествий архиерея по своей епархии был бы весьма значительный плод. Вместе с тем, это весьма сближало бы с ним как духовенство, так и паству мирскую.

Конечно, для таких путешествий нужно иметь много времени, да и немислимо одному архиерею сделать это в таких обширных епархиях, каковы наши. Но теперь почти во всякой

епархии есть викарии. К сожалению, по действующему положению, они лишь только именуется по разным городам, сами же не имеют никакого касательства хотя бы только к тому уезду епархии, по городу которого они называются. О том, как использовать для церковного дела существующие викариатства вместо совершенно неосуществимого теперь увеличения числа настоятельно нужных новых епархий и возможного сокращения всех существующих теперь епархий, — об этом мне пришлось уже высказываться, кажется, в мае сего года в «Санкт-Петербургских Ведомостях»; номера газеты не помню, но содержание этой моей статьи подробно изложено в «Церковном Вестнике» № 20 за 1912 год в «Мнениях и отзывах». В таком отношении пусть бы пока Святейшим Синодом было узаконено для всех епархий то, что на свою ответственность для несомненной пользы дела устроил в своей епархии Вольнский владыка Антоний, о чем он и сообщает в № 40 «Церковного Вестника» за 1912 год. Таким порядком ни власть, ни авторитет епархиальных архиереев нисколько не умалятся, хотя дело у них сократится; но будет несомненная польза для всего церковного дела, что мной подробно и было разъяснено в вышеуказанной статье моей. И осуществление этого мероприятия может совершенно свободно проведено и Святейшим Синодом до того Поместного Собора, который предназначен, но неизвестно, когда будет, тогда как изменившаяся жизнь с ее трудными и требовательными от нас условиями не ждет, дальнейшая же потеря времени может быть «смерти подобна».

11. Необходимость подготовки к пастырскому служению

Все высказанные пожелания о живой неустанной проповеди для народа, о православном богослужении, о совершении воодушевленных народных крестохождений, о самых частых путешествиях архиереев по епархиям, — все это, несомненно, прекрасно. Но это предполагает уже высоко поставленную развитую пастырскую ревность у самих служителей Церкви Христовой. К сожалению, должны мы сознаться, что этого далеко нет, и нет не по личной небрежности служителей церковных, а по самым пока неустранимым условиям нашей русской церковной жизни. Нет необходимости говорить об этих условиях, ибо не такая и цель наших замечаний. Обратимся к наличности.

Всякое служение, всякая деятельность предполагает само собой, что к ней люди готовятся, изоощряя свои силы и способности, чтобы оказаться на высоте положения в самой принятой деятельности. Тем более это требуется для такого высокого и тонкого по своей духовности и святости дела, как пастырское душепопечение. Воистину, оно искусство из искусств, к упражнению в котором нужно приступать с устроенными духовными способностями, с изоощренными силами духа. Знаем, с какой тщательностью готовятся, например, к врачебному искусству, особенно к искусству хирургическому. Тем более должна быть особенная, нарочитая, тщательная до благоговейности подготовка к искусству духовного врачевания душ христианских, руководимых не ко временной, но к вечной жизни верующих в нее. Но все мы хорошо знаем и по опыту, и по наблюдениям, что этого у нас, к великому прискорбию, нет и нет. Да, и у нас есть духовная школа, имеющая целью «приготовление юношества к служению православной Церкви», как гласит параграф 1 Устава о ней. Но и на деле, а теперь и по дополнительным узаконениям, духовная школа только между прочим готовит юношей для прямого служения православной Церкви. Конечно, большая цель и заслуга духовной школы, что она дает возможность своим питомцам трудиться не только в пастырстве церковном, но и на иных, чисто светских гражданских и военных поприщах. Но тогда и назвали бы такую школу «христианским училищем», цель которого — дать христианское образование и воспитание юношам, чтобы после в жизни на всех поприщах ее они могли быть крепкими христианами. Для Церкви же весьма важно это назначение ее «христианского училища», но совершенно необходимо, чтобы была и нарочитая школа для подготовки духовных врачей душ человеческих, именно пастырей Церкви. Этого-то мы и не имеем. Все вопли и воздыхания наши об этом остаются тщетными, как и все неотложно нужное в нашей Русской земле, которая от самого чудного начала «велика и обильна, а порядка нет в ней». И видим, что если шестая-седьмая лишь часть прошедших нашу духовную школу отдает себя на пастырское служение в Церкви, то это уже большое дело. А остальные идут на разные поприща чисто внешней деятельности в стране. Церковь же остается без должно подготовленных к делу пастырей. И это при усложнившихся и видоизменившихся требованиях времени. В верхах же давно-давно все спорят пока только о том направлении, в котором должна быть преобразована вся духовная школа, чтобы наилучше отвечать ей своему церковному назначению. По пословице: «паны дерутся, а у хлопцев чубы летят»... А воз и ныне там...

Но так как не в нашей власти изменить все это, так что может быть и до приближающегося второго пришествия Христова это дело останется в таком положении, то надлежит что-то сделать, чтобы в существующих условиях, однако, пастырство наилучше могло отвечать своему высокому святому назначению. Тем более нужно иметь в виду и то, что за недостатком лиц с нарочитым пастырским образованием и подготовкой в большинстве случаев приходится ставить

священнослужителями лиц, можно сказать, всякого образования, а иногда и без всякого образования, но желающих по должном, хотя и условном, испытании послужить Церкви Христовой в составе клира. Конечно, таковые лица подвергаются особому испытанию, а кроме того постепенно подготавливаются к священству на низших степенях клира. Но все это и условно, и быстро, а потому может быть и не прочно, чтобы пастырь Церкви был богат духом ревности пастырской. Без этого же духа он все равно что светильник без еля.

12. Пастырско-миссионерские съезды и курсы

При указанных выше условиях надлежит самим пастырям все сделать, чтобы поднять свой пастырский дух, возвысить свое образование, восполнить свои силы и средства для пастырского делания. В этом направлении особенную ценность имеют устраиваемые в пределах нашей Пермской епархии миссионерские съезды и курсы для духовенства епархии. На таких съездах собравшиеся прежде всего выясняют наличную приходско-церковную действительность. Посему для всякого такого съезда составляется определенная программа, по которой участниками съезда представляются на съезд доклад о положении дела в приходе с указанием тех или иных мероприятий к улучшению или исправлению дела. Такие доклады подвергаются общему обсуждению. Скрывать или прикрашивать положение дела не придется, ибо все соседи тут же и уличат в том докладчика. Поэтому съезд само собой получает в высокой степени серьезный характер. Наряду с недочетами выясняются и положительные стороны. Вместе со вскрытием неустройства или недостатков общим советом и обменом мнений об отдельных опытах, предлагаются и всем, и каждому жизненные меры и советы для устройства и исправления дела в приходе. Кроме того, таким путем, может быть, и не особенно воодушевленные на дело на примере других и при общем воодушевлении исполнятся ревности и усердия к делу на своем приходе. Не невозможно, что и не худой человек, но долго оставаясь одиноким на деле, среди обыденщины особенно нашей деревенской жизни, и сам заведется этой обыденщиной, и отлетают от него, может быть, когда-то и бывшие на душе светлые мысли и намерения, как мечты юношества чистого. Тут же на таких миссионерских съездах увидит таких деятелей воодушевленных, умелых, опытных, не мечтателей, по-наслышится о живой их пастырско-народной деятельности и сам сначала задумается над своим положением, а потом и духом возревнует о пастырской работе на приходе.

Таково жизненное значение миссионерских съездов. Они весьма важны, воспитательны для духовенства. Помимо того, путем таких съездов выясняется подробная картина положения церковноприходского дела по всей епархии. Посему такие миссионерские съезды должны происходить по крайней мере однажды в год по всем благочиниям епархии. Руководителями таких съездов должны быть или миссионеры, или, в случае невозможности для них, благочинные. Съезды должны собираться не для праздных разговоров, не для отбытия повинности, а для строго определенной цели. Посему для таких съездов предварительно должна быть предлагаема программа, на вопросы которой все причты и должны представлять продуманные доклады для предъявления съезду. По обсуждении же таких докладов и по обмену мнениями должны быть составляемы особые журналы или протоколы, с указанием общих суждений по заслушанным докладам, с указанием выработанных мер для улучшения или исправления дела. Такие журналы и должны представляться епархиальному архиерею на внимание и заключение.

И самостоятельно, и вместе с такими миссионерскими съездами должны устраиваться миссионерские курсы для духовенства по образцу устраиваемых уже в нашей епархии. Предметом этих курсов должны быть и общие богословские и пастырские вопросы, и проповедничество, и миссионерство среди старообрядчества с сектантством, и противостояние погибельному духу неверия и практического материализма, и подобное. Никто из пастырей не может считать себя вполне осведомленным в таких предметах. Если специалисты ученые постоянно следят за своей наукой и испытывают всякую новинку в этой области, чтобы быть на уровне времени и науки, то тем более это надлежит делать пастырю Церкви, так как его

деятельность шире и глубже всякой научной деятельности, — она идет вместе с текущей и изменчивой жизнью, — чтобы воздействовать на эту жизнь началами вечными, приспособлявая ее к ним, а не их приспособлявая к ней. Посему ни один, даже получивший полное богословское образование пастырь, не может счесть себя не нуждающимся в указанном обновлении, восполнении, расширении своих познаний, тем более в возвышении пастырского воодушевления. Как на съездах, так и на курсах совершается общая дружная, откровенная работа с одной высокой целью — быть во всеоружии и в святом воодушевлении для пастырского служения среди мира сего в целях руководства пасомых к вечной жизни.

Опыт таких курсов свидетельствует, что после первых же курсов участники их непременно просят, чтобы ежегодно у них были такие курсы. Они на деле увидели — как много вопросов и знаний весьма важных и нужных, которых они не знали. Тут они, один другого воодушевляя, все исполнились совершенно юношеского рвения — учиться и учиться, чтобы стоять твердо на своем деле. Пастырское служение им раскрылось как жизненное и все обновляющееся делание, а посему такое высокое, светлое, чистое, имеющее целью духовный рост и спасение души человеческой, уготовляемой к вечной жизни во Царстве Христа, за нее пострадавшего.

Так из года в год повторяемые такие курсы высоко поднимут пастырское настроение духовенства и восполнят в значительной степени недостающее у каждого. Еще лучше такие курсы приурочивать к местным народным празднествам, чтобы участием в богослужении, в проповеди, в крестном ходе усугубить народное торжество. Народ непременно отзовется на такой подъем духа. Помню, в Омской епархии такой миссионерский съезд с курсами был устроен на масляной неделе в одном селе, где немало было и сектантов. Конечно, предполагали, что народ даже и не заметит такого съезда, потому что на масляной идет обычный языческий карнавал-веселье. Оказалось обратное: народ испросил разрешение послушать беседы собравшихся отцов, да постепенно так увлекся ими, что не хотели и домой уходить, говоря духовенству: «Вы, батюшки, пойдите пообедайте, а мы подождем здесь вас, чтобы и еще послушать». Видя такую ревность народа к духовной беседе, сами участники съезда оценили все высокое значение подобных съездов и курсов для них самих. Так и должно быть везде и всегда.

13. С чего начинать поднятие церковности на приходе

Подробно мной было объяснено все, касающееся данного вопроса, в «Письмах архиерея к иереям» (Пермь, 1915 год) и в «Архипастырском послании к духовенству Пермской епархии о мероприятиях ко введению в жизнь закона об устройстве православных приходов» (Пермь, 17 февраля 1916 года). Из того и другого, да и помимо них, всякий пастырь хорошо знать может, что ему принадлежит высокая и разнообразная деятельность в приходе. В условиях наших обширных и многолюдных приходов, в совокупности с трудными путями сообщения между отдельными частями прихода, не под силу одному священнику сделать все, что нужно в чисто пастырском отношении. Да и помимо сего, самое существо дела требует лишь, чтобы священник был руководителем церковной жизни в приходе, как и мать в семье не ведет же на поводке всякого из своих детей, стараясь приучить их к самостоятельной, но благовоспитанной жизни. Надо так поставить дело, чтобы приход под воздействием и руководством священника сам собой устроил и поддерживал в своем составе церковную жизнь.

Начать же следует с небольшого дела. В пределах самого даже запущенного прихода всегда во всяком поселке найдется несколько благочестивцев, которые скорбят об упадке веры и нравов в народе, сами же горячо прилежат святой Церкви. Вот их-то и взять себе в помощники или сотрудники следует священнику. Руководя их в чтении духовных книжек, направляя их усердие в должном направлении, всячески следует воодушевлять их на братолюбную миссионерскую самую простую работу среди односельчан, в целях воодушевления их на благочестие. Таковые ревнители и под личным руководством священника, и по его указанию будут собираться в свободное время для чтения духовных книг и для братских бесед, как собираются обычно поселяне для пустого препровождения времени, не наученные осмысленно распоряжаться своим досугом. Воодушевляемые своим священником, они стараются привлечь на свои собрания своих соседей, хотя бы каждый только по одному человеку. Братство их постепенно растет. В нем опять всякий в свою очередь привлекает других сочувствующих. Так постепенно, медленно, но верно, вначале весьма «малое стадо» охватывает весь поселок, а затем и весь приход.

Через таких-то доброхотных, за спасение души, сотрудников священник знает все, что делается в приходе, хотя бы сам и не мог часто бывать во всех поселках своего прихода. Ревнители, по заданным им от духовного отца заданиям, своевременно сообщают ему обо всем, что требует его внимания и руководства. Так естественно сократится его личный труд, совершенно непосильный для одного человека при всем его личном усердии к святому делу.

Через такие именно братства и кружки ревнителей священник наилучше и ближе к делу может поставить и самое утверждение христиан в христианском уповании, в знании веры, молитв, в приучении к церковным обрядам и обычаям и все дальнейшее духовное научение и просвещение. Как руководитель, он может таким кружкам поставить определенные задания для их братских собраний, — например, прочитать такую-то книжку, выучить такие-то молитвы, утвердиться в таких-то благочестивых упражнениях, обсудить такую-то меру для поднятия добрых нравов в приходе, предпринять дело помощи бедным и сиротам или нуждающимся в помощи учащимся в школе.

Когда зачнется такая здоровая правильная жизнедеятельность в отдельных частях прихода, найдутся нужные на всякое церковноприходское дело и люди. Скучающие от безделья и неумения найти смысл своей жизни и осмысленное приложение своих дремлющих духовных и телесных сил — все такие, как полевые цветы головками тянутся к оживляющему их солнцу, потянутся к проблескам живой жизни и работы преполезной. Так дело, развиваясь и

разрастаясь, постепенно подразделится на отдельные свои отрасли с определенным составом деятелей. И окажется, что одни занялись совместным чтением духовных книг и ведением братских бесед, другие — благотворительностью в приходе, третьи — заняты церковно-школьным делом, иные — заботой о благолепии храма, о церковном пении, о порядке на приходском кладбище, иные хлопочут об улучшении народного хозяйства, о трезвости, об искоренении худых навыков и о насаждении добрых нравов и доброго препровождения времени детьми, молодежью и взрослыми и т. д., и т. д.

Так семя слова Божия, брошенное на почву душ человеческих, не умирает, но начинает произрастать и приносить свой плод в людях и в их жизни. Так зачинается возрождение отдельных душ, а через это и всего прихода, как живой Церкви Божией. Пастырь Церкви насаждает и напояет, а воспринимающие это души человеческие сами возрастают под благодатным действием Святого Духа Божия ([1 Кор. 3:5-7](#)).

14. Посещение домов прихожан

Под таким делом разумеется не то, чтобы священник ходил из дома в дом. Конечно, это было бы весьма хорошее дело — пастырю Церкви посещать своих пасомых, чтобы руководить их духовной жизнью. Но это в редких случаях возможно при обширности и разбросанности наших приходов, при множестве всяких побочных, но обязательных дел у пастыря. Нет, в данном случае разумеется другое и более простое, а следовательно, и возможное для священника. Дело в том, что священник часто приглашается прихожанами для совершения всяких треб на дому. Такими обязательными посещениями и следует непременно воспользоваться для духовного назидания православных. Тут и нужно вникнуть в жизнь и распорядок жизни семьи. Тут и нужно расспросить всех так, чтобы вылилась душа человеческая с ее запросами и надеждами. Тут обратим внимание и на воспитание детей, на их молитвенное делание, на их поведение. Тут же попутно и о духовном побеседовать, не в виде обычной проповеди, но именно непосредственной отеческой простой беседой. Припоминается священник доброго старого времени в родном моем приходе. В таких случаях он обо всем выспросит в семье, все выскажет, что знает об этой семье, детей переспросит в знании молитв, одних похвалит, а другим выговорит и строго запретит. И таким порядком священник знал всех своих прихожан и с хорошей, и с дурной стороны. Помню, что я тогда еще подростком знал тоже почти всех прихожан и всякого из них по настроению и поведению только потому, что, ходя с причтом по приходу на Пасхе и на Святках, обычно прислушивался вот к таким попутным беседам священника с прихожанами. И, конечно, тогда не только священник, но и я хорошо знал — кто в приходе когда вступает в брак или выходит замуж, тогда как теперь священник об этом часто узнает только тогда, когда к нему от архиерея направляется на отзыв бестолково написанное прихожанином прошение о разрешении ему вступить в брак, например, при недостатке возраста или в известных степенях родства. Такова простая старина и такова мудреная современность. Первая не гналась за большим, но достигала весьма существенного конца; а вторая считает это все мало важным, опускает же и все важное, почему жизнь христианская и понижается, хотя разные отчеты да доклады и уверяют, что все делается лучше и лучше. Подтверждений тому не требуется, их дает сама действительность.

Итак, указываю первое самое простое средство — духовно влиять пастырю на свою паству безо всякой затраты особого времени и сил. Указываю попутный способ — руководить жизнью и настроением своих пасомых. Таким путем установятся сами собой чисто пастырские или, лучше сказать, отеческие отношения у пастыря к пастве, взаимно вызывающие детское отношение к нему со стороны пасомых. Исчезнет та взаимная отчужденность, на которую теперь одинаково жалуются и духовенство и миряне. Весь приход будет на виду у пастыря, явится одною большой семьей, возглавляемой и руководимой священником — духовным отцом. Ему Бог дал духовную паству, и он Богом дан в отца этой пастве. За святое послушание Пастыреначальнику Христу Спасу пастырь с паствой и будут в едином духе по одинаковой заботе о душевном спасении. Духовное значение или авторитет такого Богом поставленного и свято соблюдающего такое свое от Него поставление — как высоко оно и перед Богом, и пред людьми! Насколько выше оно того взаимоотношения, которое хотят укрепить выборами священников самой паствой! «Мы тебя выбрали, ну так и делай по-нашему, а не будешь делать — так ты нам и не нужен, мы выберем другого». Так было, так и будет в конце таких выборов. Так было и в древней нашей Святой Руси, когда при выборном духовенстве были несчастные «крестцовые попы», составлявшие обузу для Церкви Божией и соблазн для христиан. Правда,

было выборное духовенство в древней гонимой Церкви. Но тогда самое имя христианина было уже геройством. Всякий христианин должен был всегда быть готовым к ответу и мучению за свое христианство. Посему тогда все христиане естественно заботились, чтобы в передовых рядах их стояли истинные герои духа, для которых священство есть высшее доброе дело, то есть готовность на мученичество за себя и за паству свою. Тогда и выбирали в клир лучших и сильнейших духом людей. Земных и корыстных расчетов тут и быть не могло и у выбирающих, и у выбираемого. Расчет был один: выбирают готового и на смерть за выбравшую паству. Теперь же, когда, независимо от душевного спасения, выгодно числиться христианином безо всякого подвига в христианстве, когда числящиеся христианами ищут не строгости в подвиге, а послабления и принижения высоких начал Христова Евангелия, когда, пожалуй, большинство христиан не бывают в церкви на исповеди со Святым Причастием и, однако, считаются полноправными христианами-прихожанами, — при таких условиях предоставлять «сборищу народа избирать имеющих произвестися во священство» (Лаодик. Соб. 13 прав.) — это по меньшей мере неосмотрительное дело в отношении ко всей церковной икономии. И недопустимое дело проявит церковная власть, если попустит это крайне опасное для всей Церкви нововведение древнего обычая при совершенно изменившихся условиях времени. Подождите, все поспешные реформаторы святой Церкви: независимо от нашего желания произойдет и у нас отделение Церкви от государства, а после того и неизбежное гонение на Церковь не только от безрелигиозного, но и от антихристианского государства, — тогда и будем выбирать клириков на церковноприходских собраниях, выбирать будем крадучись от гонителей, и выберем, конечно, не по земным соображениям, а только по церковным, ибо тогда земные расчеты сами собой исчезнут для гонимых христиан. Хотим мы или не хотим, но такое время к нам приближается. К нему и нужно готовиться, как к огненному испытанию для нашей веры сначала от духа антихристового, а потом и от самого Антихриста, *которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду* ([2 Сол. 2:9-12](#)).

15. Благовременные поводы к научению прихожан

К таковым прежде всего следует отнести благое время Великого поста. Разумеется не в собственном смысле церковная живая проповедь с кафедры, о чем было сказано раньше. Нет, разумею самое время исповеди, когда православные долго ждут своей очереди в ряду других подойти к духовнику на откровение своей совести. Тут свободного времени бывает очень много. Обычно в это время псаломщики или диаконы производят отметку в исповедных ведомостях пришедших на исповедь. Затем прочитывают вечернее правило для причастников. А остальное время исповедники сидят праздно, пожалуй и разговорами неподобающими занимаясь. Вот это время и следует использовать для всякого душеполезного научения прихожан.

Заняться таким делом должны ближайшие помощники священника — диаконы и псаломщики. Но можно привлечь к этому и благочестивых грамотных и поющих мирян, даже учащихся. В то время как там в таинственном уголке храма у алтаря его идет святая исповедь, здесь в трапезной части храма и учить выжидающих исповеди молитвам, житиям Святых, пению церковному. Как препозлезно будет занято это праздное время! Как размягчатся и сердца человеческие для откровенной исповеди перед духовником!

Таким порядком и грамотные, и неграмотные одинаково простым способом научатся тому, что нужно знать всякому христианину, но чего, к сожалению, не знают и прошедшие школу. Это было бы настоящим оглашением православных христиан, приступающих к исповеди и Святому Причастию. И особенной премудрости для этого не нужно, а необходимо только иметь святое усердие к делу да уметь читать и петь, чтобы научить указанному и прихожан.

Можно и иным способом учить прихожан тому же. При помощи вышеописанных братств и кружков ревнителй в приходе следует устраивать воскресные школы или вечерние занятия для всех желающих посещать таковые. Под руководством священника и его ближайших сотрудников ревнители и займутся тем же самым научением христиан молитвам, Закону Божию, житиям Святых, церковному пению. Все лично воодушевленные церковноприходскою работою, как своим душевным подвигом во спасение, душу свою вложат во все указанное дело, и плодотворная живая работа закипит, найдутся сочувствующие и соработники в деле. Таким порядком единоличный труд священника будет разделен между самими его прихожанами, которые не за страх, а для спасения своей души, за совесть, вместе с ним и под его руководством будут усердствовать для поднятия церковной жизни в приходе.

Этих же целей можно достигать разумным использованием приходских крестных ходов. Тут непременно следует постепенно привлекать и народ к общему пению сначала простейших молитв, а потом и расширять круг таких молитв и песнопений. Таким порядком научатся и церковному пению, научатся попутно и церковным молитвам. Всем хорошо известна певучесть нашего народа и усердие его именно к церковному пению. Только бы умело и с воодушевлением это было предложено и указано, — непременно народ откликнется с душой.

Всеми указанными путями и будет достигаться одна святая цель: научение православных знанию веры и умению дать ответ посильный о своем уповании, научение молитвам и церковному пению, а вместе с тем создание святого воодушевления на благочестие, как на благоговейное хождение пред Богом. А это великое и основное дело. Без него все красивые и горячие речи о приходской благотворительности, о просвещении и прочем, — все это будет бесцельно и непрочно. И воспринятое оно исчезнет, как праздное, хотя и красивое увлечение. Научивши же всему вышеуказанному, создав святое воодушевление на благочестие, и можно будет прочно и плодотворно начинать призыв и к благотворительности приходской, и к

просвещению, и ко всему прочему, в чем может и должна проявляться приходская жизнь. Все это будет проявлением созданного, прочного, святого воодушевления на благочестие и на устроение жизни по Евангелию Христову.

Вот в кратких словах — что желательно видеть в деятельности нашего духовенства в уврачевание той действительности нашей церковноприходской жизни, как она представляется нашему взору при наблюдении ее. Не о коренных и сомнительных по своей приложимости преобразованиях идет речь, а всего только о том, что следовало бы и можно бы предпринять в создавшихся действительных условиях пастырской жизни и деятельности. Будут или не будут сделаны в нашей Церкви самые высокие преобразования, которые все вытекают, по существу, из возвращения Церкви Божией ее подлинной, а не призрачной свободы, из возвращения Российской Православной Христовой Церкви ее главы — Святейшего Всероссийского Патриарха, — это неизвестно, да от нас и не зависит: вернуть взятое может и должна только взявшая от Церкви патриарха гражданская власть. Но и при наличной действительности нам, архиереям и иереям, надлежит ответственность за вверенное нам стадо церковное, а потому никто и оправдываться неканоничными порядками в Церкви не может и не должен. Положение первенствующей гонимой Церкви куда хуже было, но тогдашние Отцы Церкви сим положением не оправдывались, но не покладая рук за совесть перед Всевидящим Первоархиереем Христом трудились, изводя на истинную свободу духа тогдашних христиан. И сумели среди гонений, крестов и костров так известить на эту прекрасную свободу духа, что сам гордый гонитель и мучитель — тогдашний языческий мир — побежден был этой свободой преследуемых христиан и преклонился перед высотой их духа, Крест Христов воссиял над миром языческим и из позорного орудия казни явился добропобедным знаменем царей и народов, смиренно преклоняющихся перед силою Распятого на нем Царя царей. Среди разных неурядиц церковных, среди тяжелых и унижительных для Церкви Божией условий в современной государственной и общественной жизни дерзновенно, отцы и братие, понесем возложенное на нас послушание церковное, бодро и воодушевленно будем руководить христиан к Царствию Божию, высоко вознося Животворящий Крест Христов, как символ Божией силы и Божией премудрости.

Послесловие

Вот что вылилось у меня от души о «жизни нашей церковной как она есть» под впечатлением последнего осеннего путешествия для обозрения некоторых церквей и монастырей епархии. Никаких проектов о новых реформах я не сочиняю. Говорю же лишь о том, что возможно и следует нам делать только при наличных условиях нашей церковной жизни и чего требует от нас эта самая жизнь. Да и об этом-то говорю лишь применительно к обычным взаимоотношениям между архиереями, духовенством и паствой. И все высказываемое, конечно, местами в той или иной мере и существует, и заведено. Да оно не так и трудно для своего осуществления, — было бы лишь усердие...

Конечно, я умолчал о многом, что следовало бы делать по нуждам времени для поднятия веры и нравов в народе. Но в данном случае я говорю только применительно к впечатлениям после путешествия по приходам епархии. Подробнее же о разных церковных вопросах мною сказано было в моих письмах «Станем добре», припечатанных в «Новгородских Епархиальных Ведомостях» за 1910 год, отдельным приложением к журналу «Пастырь-Проповедник» за 1912 год (Верхне-Уфалейский завод, Пермской губ.) и отдельными оттисками, издание 2-е, переделанное и значительно дополненное. Пермь. 1915 год.